19VII-68 г

Литературная страница

РЕВОЛЮЦИЕЙ МОБИЛИЗОВАННЫЙ И ПРИЗВАННЫЙ

75 ЛЕТ СО ДНЯ РОЖДЕНИЯ В. В. МАЯКОВСКОГО

Сегодня исполняется 75 лет со дня рождения В. В. Маяковского. Еще живы многие его сверстники, его друзья, почти сорок лет нет среди нас гигантской фигуры поэта, «фигуры высотой до верхнего косяка в двери». Горько сознавать, что нам, двадцатилетним, тридцатилетним и даже сорокалетним, не довелось услышать ни выступлений его в Политехническом, ни диспутов о революционном искусстве, ни, наконец, просто его раскатистого баса где-нибудь в редакции, на выставке, на улице... Но, может быть, именно поэтому он навсегда остался в нашем сознании «красивым, двадцатидвухлетним», молодым поэтом молодой революции.

А он стал поэтом революции не по велению трезвого рассудка и не в соответствии с программой определенной поэтической группировки, а по невозможности не быть им. Маяковский и революция — это две родственные стихии, как бы созданные друг для друга. «Ненависть Маяковского к окружающему миру и ненависть революции, его бунтарство и ее бунт, его гигантизм и ее богатырский размах, его жажда будущего и революция как ключ в это будущее» (А. В. Луначарский).

«Моя революция», — заявляет поэт в первые же послеоктябрьские дни.

«Я всю свою звонкую силу поэта, тебе отдаю, атакующий класс», — скажет Маяковский несколько лет спустя — и это будет не поэтической декларацией, а фактом творческой биографии.

Каждая строчка, написанная после 25 октября, «работает» на революцию. По творчеству Маяковского можно изучать историю страны.

Идет гражданская война, и поэт выполняет, пользуясь терминологией самого Маяковского, важнейший «социальный заказ» эпохи. Агитплакат, частушка, окна РОСТА, «марш и лозунг» — вот основная «продукция» этого периода.

Годы первых пятилеток — и на страницах газет одно за другим появляются «Рассказ о Кузнецкстрое и о людях Кузнецка», «Рабочим Курска, добывшим первую руду», и т. д.

«Агитатор, горлан, главарь» революции он ненавидел все, что в нас «ушедшим рабьим вбито». Его стихи и пьесы, частушки и поэмы — это непрекращающийся ни на минуту и не знающий компромиссов бой с мещанством во всех его проявлениях.

Он не любил тех, кто, озабоченный проблемами «чистого искусства», «мандолинил из-под стен». «Умри, мой стих, умри как рядовой, как безымянные на штурмах мерли наши». Не у каждого поэта хватит мужества на такое «пожелание».

Но, очевидно, долгая поэтическая жизнь уготована не творениям, созданным с установкой на вечность, а таланту мужественному и бескорыстному.

Таким был Маяковский.

И сегодня, через «громаду лет», живет стих Маяковского, живут «все сто томов его партийных книжек».

Судьба им — бессмертие.

ЧИТАТЕЛИ — МАЯКОВСКОМУ

Мы публикуем сегодня выдержки из писем, полученных В. В. Маяковским на протяжении многих лет его творческой деятельности. Это письма от читателей, слушателей—словом, всех тех, кто, не будучи лично знаком с поэтом, обратился к Маяковскому со словами благодарности или с просьбой, советом.

Все эти письма бережно хранятся в Государственной библиотеке-музее В. В. Маяковского. Публикуются впервые. Публикацию подготовила Л. Поликовская.

Дорогой тов. Маяковский!

Мне так совестно беспокоить Вас, и вместе с тем мне хочется просто и крепко, по-товарищески, пожать Вашу руку и поблагодарить за Ваши стихи и товарищеское отношение ко всем нам. Вы мне кажетесь таким большим и светлым, как солнце. Я деревенский поэт без образования, без умения говорить, я простая, и я удивилась, какой Вы тоже простой (а с некоторыми нашими я чувствую, что я деревенщина). Тов. Маяковский, Вы меня простите, что я Вас побеспокоила утром, но я всю ночь не спала и думала, что Вы скажете про мои стихи.

...Я хочу знать, будет ли из меня хороший поэт или нет? И я совсем не надеюсь на себя и не уверена, мне все кажется, что я слаба и лучше бросить. А Вы в Ваших стихах — человек, и человек чуткий и хороший. Вот почему я так к Вам, как к родному. Раньше Вы мне казались грубым, гордым, но над Вами надо подумать и поймешь Вас. Миленький Маяковский, я пишу, может быть, глупо, но то, что нужно, Вы поймете. Я живу сама в деревне, и у меня есть Ваши стихи «Облако в штанах», «Левой» и «Ленинский бюллетень». И мне хочется Вам сказать, что Вас читают крестьяне и говорят, что Вы пишете по-мужичьи, по-ихнему, как надо. Я иногда им читаю, и они все понимают. И даже где Вы ругаетесь сволочью, то хвалят. Вот, Вы это знайте. И я, когда приеду, им скажу, что Вас видела. Тов. Маяковский, я пишу стихи, а в это время стираю, чищу кастрюли, мою пол, и пока я это делаю, то я думаю о стихах и сочиняю их. Мне так хочется красоты и сильных стихов, и я иногда реву, что у меня плохо, а помочь мне некому. Муж у меня коммунист и направляет только идейно, но иногда и в поэзии, но трудно... У меня двое ребят, и это все трудно. Родной мой товарищ, вот сидишь в своей дыре, воют волки, и вот летит Николай и кричит: «А я подарок несу, угадай», а я гадаю: Есенина, он говорит нет или да, потом Маяковского, я угадаю, если это Ваше или Безыменского, и мы читаем, и говорим — вот мошенник, как здорово, и так хорошо станет на сердце. А Вы ничего не знаете, как много Вы даете. Только Вы там на «Облаке в штанах» опять нарисованы надутый и раскорякой, а Вы так такой добрый и славный. Я иногда думала, какой Вы, но не представляла таким ясным. Дорогой Маяковский, Вы мне скажите, буду ли я хорошим поэтом или нет. Если да, то помогите мне товарищеским советом. Я Вам буду посылать письма и стихи, а Вы их поместите, куда найдете лучше, а нет, скажите прямо.

Адрес мой постоянный будет: «Ростов-Дон, Старо-почтовая, 100, квартира 9. Екатерине Гусаковой, передать Марусе»

Вы меня простите, я пишу, как родному, которого я долго не видела. У меня нет ни зависти, ничего дурного. Дай Вам всего хорошего. И когда на Вас нападают, это смешно. Вы, как слон, а они, как шавки, и это от зависти, я знаю хорошо. (Как бы мне хотелось писать, как Вы, хотя наполовину). Примите от меня, деревенщины, мою благодарность и восхищение, дорогой, настоящий, большой товарищ. Пишите, родной мой, так же, как пишете, и пусть Вы дольше живете. Вы нужны, и Вас любят, я не знаю, как рабочие, а крестьяне любят и понимают.

Крепко жму Вашу руку, товарищ.

Мария ЕРШОВА.

●

Один из постоянных Ваших читателей, я обращаюсь к Вам с этим письмом под непосредственным впечатлением прослушанной лекции в Ленинаканском Доме Красной Армии доморощенного лектора Золотухина - Ростовщикова... На протяжении своей многочасовой (очевидно, он придерживается тактики «взять измором») лекции при всяком удобном и неудобном случае считал необходимым лягнуть Вас... Он рассказывал, будто Вас со свистом прогоняют из клубов, а Вы грозитесь его побить (стоит ли?)...

Цель моего к Вам письма категорически протестовать против лекторов, оплевывающих и оскорбляющих наших революционных писателей, немало поработавших в прошлом и идущих в первых рядах строителей нового искусства в настоящем.

С красноармейским приветом

А. М. ФЕЛЬДМАН,
красноармеец.

Армения,
г. Ленинакан, штаб 3 Дивизии,
Отд. Роты Связи

●

18.X.1929 г.

Уважаемый Владимир Владимирович!

Устраиваем диспут, тема — «Поэзия будущего». Сообщите, что найдете нужным по этому вопросу, конечно, если это Вас не затруднит.

Дайте указания!

Сообщите, каким можно воспользоваться материалом... Раз был случай. Прочел я на вечере Вашу вещь, не помню, что (но не предупредил чья!), очень одобрили. Но когда сказал, что ее написал Маяковский, — не поверили. «Что вы говорите, тот ведь пишет так, что ничего не поймешь, а тут все понятно». Пришлось убедить — принес Ваш том (собрания сочинений) — поверили, просили прочесть еще и еще...

...Читали и обсуждали Вашего «Клопа», интересно прочесть Вашу новую вещь (пьесу) «Баня». С нетерпением ждем, когда появится в печати (В. В., как только выйдет, вышлите нам ее наложным платежом или сообщите — вышлем деньги).

Группа «Левых»
Ростов-Дон.

●

Владимир Маяковский!

Я — ученица 9-й группы Таганрогской школы.

...Цель моего письма, это — рассказать Вам, вернее, не сказать, а крикнуть: «Владимир Маяковский! Мы преклоняемся перед Вами!» Я пишу «мы», потому что нас много.

...Я жду от Вас ответа. От Вас, понимающего нас, молодежь; так хорошо понимающего и отвечающего нашим нравственным запросам. И хотя Вы знаете это и без меня; но мне хочется еще раз подчеркнуть огромность того влияния, которое Вы оказываете своими произведениями на большинство, и то уважение и любовь, которыми Вы здесь пользуетесь.

Нина ФОКИНА
14.V.27 г.

Сев.-Кав. край.
Гор. Таганрог
Украинский переулок, № 56.

Непременно, непременно напишите. Вы не можете себе представить, как мы будем рады.

МАЯКОВСКИЙ И ДЕТСКАЯ ПОЭЗИЯ

Мальчишкой мне посчастливилось видеть Владимира Маяковского на его выставке «20 лет работы».

Он был мрачен в этот день. Какой-то юноша скоком-боком налетал на поэта, выкрикивая, как заклинание: «Ваши стихи непонятны народу!»

Не знаю, кто дал ему право выступать от имени народа. На выставке было человек пятнадцать, один из посетителей привел сынишку, лет шести. Маяковский хмуро оглядел всех, подошел к мальчику, поднял его и, поддерживая одной рукой, а в другой зажав книгу, стал читать:

Крошка сын
к отцу пришел,
И спросила кроха:
— Что такое
хорошо
И что такое
плохо?

Прочитав стихи до конца, он спросил мальчугана: ну что, понятно?

— Понятно, — ответил тот. — Все понятно? — Все понятно.

Маяковский обернулся к своему «оппоненту», но того уже и след простыл. Все вздохнули с облегчением; заметно было, что и у самого поэта отлегло на душе после «признания» его стихов.

Не только стихи для взрослых, но и детские вещи Маяковского в те годы встречали на пути к читателю яростное сопротивление ряда критиков. Те самые «знатоки детской натуры», которые шпыняли Корнея Чуковского за его сказки, травили и Маяковского, объявляли его стихи «нехудожественными агитками».

Иначе судил о Маяковском Маршак. У меня сохранилась запись, сделанная после беседы с Самуилом Яковлевичем 31 мая 1946 года.

О Маяковском разговор зашел как бы невзначай. Со двора донеслась слащавая радиомузычка, явно действовавшая на нервы хозяину. Со словами «Нет на прорву карантина — мандолинят из-под стен: тара-тина, тара-тина, тэнн», он захлопнул окно и сразу же заговорил о Маяковском, и вот что меня тогда особенно поразило: убежденность Маршака в народности Маяковского, в его глубочайшей связи с русским фольклором, особенно — с детским фольклором, со считалкой, дразнилкой, скороговоркой.

Много лет спустя я понял, насколько прав был Маршак. Интуитивно угаданная им близость стихов Маяковского к детскому народному творчеству подтверждается скрупулезным литературоведческим анализом.

Маршак говорил, что «Сказка о Пете, толстом ребенке, и о Симе, который тонкий» — типичная считалочка, близкая по интонации и словарю к так называемым числовкам:

Жили-были
Сима с Петей.
Сима с Петей.
были дети.
Пете 5,
а Симе 7 —
И 12 вместе всем.

Маршак был в восторге от этой строфы. Он несколько раз повторил ее, поочередно притрагиваясь в такт то к своей груди, то к моей, точно гадая, кому из нас «выйти вон».

Потом он «исполнил» стихи

Окна
разинув,
Стоят
магазины.
В окнах
продукты:
Вина,
фрукты.

— Ну скажите, голубчик, — задыхающимся голосом спрашивал Маршак, — разве это не тот же ритм, что и в считалке:

Катилася
торба
С высокого
горба...

А ведь ритм Маяковский считал основой всякой поэтической вещи!

Сознательно Маяковский обращался к детскому фольклору не часто, главным образом при работе над окнами РОСТА:

Тили-бом, тили-бом!
Стал гореть Вильсонов дом.
Климансо бежит с ведром.
Тили-бом, тили-бом!
Врангель, Врангель, где ты был?
У Лойд-Джорджа танк добыл.
Дед бил-бил,
не разбил...
Баба била-била,
не разбила, и т. д.

Однако наиболее интересны не те или иные текстуальные совпадения, а общие зависимости, внутренние связи, которые объединяют поэтику Маяковского с поэтикой детского фольклора.

Оказывается, синтаксическое строение стихов Маяковского — обилие перечислительных конструкций, обособление именительных падежей (обычно несколько подряд, без глаголов) и другие приемы словосочетания Маяковского — в высшей степени характерны и для считалок. А ведь «ритм и синтаксис Маяковского на каждом шагу объясняют друг друга», как писал выдающийся советский лингвист Г. Винокур.

Много споров вызвала в свое время «словопроизводственная игра» Маяковского, в которой иные критики усматривали «нарушение традиций». Но, оказывается, свин, жирафка, щен, шимпанза, китиха, квартирошный, всехный, трамвайский и многие другие слова, о которых говорили, что их изобрел Маяковский, издавна бытуют в речи детей и широко применяются в дразнилках, песенках, считалках.

В газетной заметке невозможно выявить все «каналы связи» Маяковский — фольклор, а тем более дать примеры, их иллюстрирующие. Я попытался сделать это в статье «Ритмы Маяковского и считалка». («Русская речь», 1968 г. № 4). Поразительно, как много точек соприкосновения у произведений детского фольклора и у стихов Маяковского. И речь идет не о каких-то второстепенных деталях, а об основных признаках поэтической системы.

«Маяковский в самом деле знал, очень любил считалки, часто цитировал и радовался их мастерству», — свидетельствует друг поэта писатель Виктор Шкловский. Знание фольклора помогло Маяковскому выработать собственную новаторскую поэтическую систему, опирающуюся на лучшие традиции народной поэзии и обусловленную яркими свойствами личности поэта и духом времени. Поэт, о котором враги и глупцы твердили, что он «непонятен народу», стал народным поэтом нашей страны, одним из любимейших поэтов и взрослых читателей, и детворы.

Я. САТУНОВСКИЙ.

В. В. Маяковский и Е. Л. Кузьмин.

Маяковский рисует сам

В начале сентября 1918 года в витрине на углу Тверской и Большого Чернышевского переулка в Москве появился злободневный сатирический плакат. Его сделал М. Черемных. Так родились «Окна РОСТА» (Российского телеграфного агентства). В пятом по счету окне появились рисунки В. Маяковского. Он без устали придумывал темы и сатирические тексты, сам рисовал. Потом шутливо вспоминал, как по вечерам подкладывал полено под голову вместо подушки, чтобы не проспать и успеть нарисовать ресницы колчакам и деникиным.

Подчас некоторые удивляются выразительности и точности исполнения плакатов РОСТА. Они притягивают взгляд, формируют настроение, дают заряд социального гнева и решимости. А чему тут особенно удивляться? Он еще до революции поразил своим экспрессивным рисунком И. Репина.

И в двадцатые годы Маяковский рисовал много и с любовью. Живописью он, конечно, заниматься не мог: не было ни времени, ни мастерской. А вот на бумаге среди стихотворных строк и строк писем «стило» выводило ко, выразительно, с добрым юмором «набросал» портрет американского коллеги.

На одном из рисунков конца двадцатых годов Маяковский изобразил человека, идущего к солнцу. Это тоже, вероятно, была дневниковая изобразительная запись, своеобразная графическая исповедь.

графические узоры, черным резало белое, создавая мексиканские пейзажи и забавных щенят. И такие рисунки были его графическим дневником, его лирическими отступлениями.

Однажды, когда поэт приехал в Америку, к нему обратились с просьбой местные коммунисты: пусть наш товарищ нарисует вас, и этот портрет мы поместим в рабочей газете. Маяковский согласился, а посмотрев на законченный портрет, на котором он был изображен с необычайной динамикой, улыбнулся и сказал, что в долгу не останется. И тут же на листке бумаги мет-

Трудно, конечно, судить: вспоминал ли при этом поэт о своей собственной беседе с солнцем, состоявшейся однажды в июле, или же он думал о более повседневных и нерешенных делах, но рисунок получился стремительным, непримиримым, пронизанным движением и энергией марша в будущее.

Владимир Маяковский рисовал не потому, что ему было мало поэзии и не в часы отдыха от нее. Он просто был человеком эпохи нового возрождения, универсальным мастером культуры: стихотворцем, публицистом, драматургом, актером, художником.

И. КУПЦОВ.

В. В. Маяковский в квартире на Гендриковом переулке.

Фото О. М. БРИКА. 1928 г.

ИЗ БЛОКНОТА ЖУРНАЛИСТА

ЖЕЛТАЯ ЧАШЕЧКА

Я часто бывал в этой небольшой уютной квартире, в огромном новом доме на Смоленской площади. Многое мне здесь хорошо знакомо, но до сих пор не могу понять, как раньше не замечал небольшого этюда. То ли потому, что стоял он, как-то притаившись, в укромном уголке, в густой тени, то ли еще почему... Но на этот раз я его увидел: он привлек внимание необычайной простотой исполнения, скупостью цветовой гаммы, я бы сказал, своей будничностью. Я был почти уверен, что работа эта попала сюда случайно, так не вязалась она с моим представлением о произведениях Евгении Александровны Ланг, художницы, лишь несколько лет назад возвратившейся на Родину после 40 лет разлуки. Она была другом юности В. Маяковского.

Евгения Александровна сразу же развеяла мои сомнения. Да, это ее этюд. На нем изображена маленькая желтая чашечка конусообразной формы с золотым отливом и с превосходной миниатюрой-портретом.

— Что это? — полюбопытствовал я.

— Чашка Маяковского, — коротко отозвалась Евгения Александровна.

Она сидела в задумчивости, а потом заговорила не спеша.

— С этой чашечкой у меня связан незабываемый случай, — рассказывала она. — Стоял декабрь 1917 года. Только что отгремела Великая Октябрьская революция. Время было тяжелое.

Однажды я и Володя шли по Кузнецкому мосту. В одном из магазинов шла распродажа домашней утвари. Маяковский очень любил антикварные вещицы и, естественно, не мог упустить подходящего случая. Мы вошли в переполненный магазин. Володя остановил свой выбор на красивом черном кувшинчике причудливой формы. Он до сих пор хранится у меня.

Потом мы не раз заходили на аукцион. И однажды Маяковский приметил эту чашку. Она действительно была великолепной. Чашка, казалось, излучала радость.

Володя тут же назначил цену. Но нашлись конкуренты. Цена подскочила. Увлекшись, Маяковский предложил больше, но другие покупатели не сдавались.

Тогда он обратился ко мне:

— У тебя есть деньги?

Я порылась в сумочке и извлекла какую-то мелочь. Спасти положение не удалось. У нас не хватило денег.

— Пошли отсюда, — сказал Маяковский. И хотя он старался внешне ничем не проявлять своих чувств, было видно, что Володя огорчился не на шутку.

Мы вышли на улицу и пошли по Петровке. Вдруг какой-то человек, бежавший за нами следом, окликнул Маяковского. Мы остановились.

Запыхавшись, еле переводя дыхание, гражданин смущенно заговорил:

— Владимир Владимирович, я большой поклонник вашего таланта, я видел, как вы хотели приобрести чашку. Она досталась мне, и я хочу подарить ее вам.

От неожиданности Володя в первую минуту, казалось, растерялся, но потом взволнованно поблагодарил незнакомого человека. Тот с улыбкой протянул ему пакетик.

Дома у себя, радостный и возбужденный, Маяковский, не раздеваясь, извлек из пакета чашечку. Долго любовался ею, потом старательно подыскивал место, куда ее можно было бы пристроить. Наконец он поставил чашку на стол. Свет лампы удачно падал на нее, и чашечка весело заиграла всеми своими красками. Володя по-детски радовался, а потом, лукаво подмигнув, предложил:

— А не выпить ли нам кофе из этой чудесной чашки?

Сам тщательно ее помыл, заварил кофе, и мы поочередно пили из нее. И впоследствии каждый раз, когда я бывала у него, Володя угощал меня кофе из этой чашки.

В 1919 году я покинула Родину и на долгие годы поселилась в Париже. С той поры я не видела Маяковского.

В 1960 году я приехала в Советский Союз. Стояла зимняя ночь, когда поезд подошел к Белорусскому вокзалу. На пустынном перроне меня встретила сестра поэта Людмила Владимировна.

Утром следующего дня мы вместе с ней поехали по Москве. Меня, естественно, влекло к местам, связанным с далекой юностью. Так мы оказались на Кузнецком мосту. Я вспомнила аукцион и рассказала Людмиле Владимировне о чашке.

Она внимательно, не перебивая, слушала меня и о чем-то сосредоточенно думала. Когда мы вернулись домой, Людмила Владимировна подошла к шкафу, бережно достала белую коробочку и извлекла из нее чашку. Ту самую.

— Она? — спросила Людмила Владимировна.

Я кивнула. Долго мы еще молчали...

Уже позже сестра поэта рассказала, что через несколько дней после моего отъезда к ней пришел Маяковский, принес эту чашку и попросил:

— Береги ее, пожалуйста...

Р. МИНАСОВ.